

Мэй Цзибай терпеливо ждал ответа.

— О чем задумался? — мягко поинтересовался он. — Выбирай: либо я помогаю, либо доедаешь сам. Ну, так что?

Гу Цин очнулся и, не раздумывая ни секунды, выбрал первый вариант. Он поднес вилку с куском торта прямо к губам Мэя.

— Премного благодарен, — буркнул он.

К черту гордость — она несъедобна и в хозяйстве бесполезна. Гу Цин до тошноты наелся этим десертом и больше не мог проглотить ни крошки.

Сам Мэй Цзибай сладости не жаловал, предпочитая крепкий кофе, но горечь этого шоколада была куда слабее черного американо. Торт показался ему даже... чуть сладковатым.

Гу Цин стоял рядом, глядя на него сверху вниз. Редкий случай — обычно это Мэй смотрел на него свысока. «Этот человек... — пронеслось в голове, — он всегда так невозмутим». Рассматривая лицо мужа, Гу Цин невольно облизнул губы. У Мэя они были в меру полными, с четко очерченной, плавной линией «лука Купидона». Глядя на них, он подумал: «Должно быть, его чертовски приятно целовать».

«Проклятье!» — Гу Цин снова вспомнил тот поцелуй на школьном юбилее. Прохладный, но удивительно притягательный. Тогда он думал, что ему будет противно, ведь он сделал это лишь в порыве злости, протестуя против навязанных правил. Но сейчас он покраснел, а его руки дрожали.

Правду говорили классики: красота губительна. Гу Цин убеждал себя, что всё дело исключительно в безупречной внешности Мэй Цзибая. Ну, нравится ему этот типаж, с кем не бывает? У каждого есть слабость к красивым людям, ведь так?

Когда с тортом было покончено, он облегченно выдохнул. Кормление мужа с ложечки — процесс, который можно было назвать и мучительным, и странным одновременно — наконец завершилось. Гу Цин залпом осушил чашку с остывшим чаем и размял затекшее запястье: держать вилку на весу столько времени оказалось непростой задачей.

Вернувшись на свое место, он оперся локтями о стол и, подперев подбородок ладонью, уставился на мужчину напротив. Мэй Цзибай не любит десерты? По его лицу этого точно нельзя было сказать.

Некоторое время они молчали, и атмосфера в комнате стала совсем уж двусмысленной. Гу Цин откашлялся, решив сменить тему:

— Есть кое-что, о чем я должен сказать заранее. Помнишь, я упоминал, что дружил с Юй Цзиньянем в сети? Так вот, его смерть кажется мне очень странной. И вся эта история с банкротством Корпорации Юй... Хотя его больше нет, я хочу провести собственное расследование. Считаю это моим долгом перед ним и нашей дружбой.

Мэй Цзибай отхлебнул чаю.

— Какое благородство, — нечитаемым тоном произнес он.

Гу Цин, не моргнув глазом, твердо ответил:

— Мы почти не виделись вживую, но я считал его близким другом. Раньше он просил меня о помощи, но я был слишком занят своими развлечениями и не воспринял его слова всерьез. Признаться, меня до сих пор гложет чувство вины.

Мэй Цзибай долго всматривался в его лицо, прежде чем заговорить:

— Расследуй, если хочешь. Но дело Корпорации Юй явно непростое. Я бы не хотел, чтобы ты в это впутался и пострадал.

— Я ценю заботу, но отступить не намерен. Кто бы ни стоял за этим преступлением, он должен заплатить. Почему они должны наслаждаться жизнью и оставаться безнаказанными?

— Раз ты так настроен, можешь рассчитывать на мою помощь, если она понадобится.

— Хорошо, — коротко отозвался Гу Цин, хотя в глубине души он по-прежнему не доверял никому из семьи Мэй.

Когда-то семьи Мэй и Юй связывали тесные узы, но когда корпорация Юй пошла ко дну, Мэй Гуанци — отец Мэй Цзибая — предпочел остаться в стороне. Это не укладывалось в голове. Скорее всего, Председатель Мэй никогда не был искренен в своей дружбе и просто спасал свои активы, как и положено прагматичному бизнесмену. В бытность «Юй Цзиньянем» Гу Цин несколько раз сталкивался с этим человеком, и каждый раз всё заканчивалось конфликтом. Позже, когда он уже сам обратился к Мэй Цзибаю, с его отцом он больше не виделся.

Гу Цин замолчал, и Мэй Цзибай не стал спрашивать дальше.

— Моя тетя вернулась пару дней назад, — сказал он. — Она хочет познакомиться с тобой.

Гу Цин кивнул.

— Я не против, в ближайшее время я не слишком занят.

— Удобно завтра в обед?

— Пойдет. — Гу Цин помолчал и добавил: — Ты, кажется, в хороших отношениях со своей третьей тетей?

— У нее были разногласия с дедом, но ко мне и Байцину она всегда относилась прекрасно. Можешь спрашивать её о чем угодно, не стесняйся.

Гу Цин не думал, что его любопытство так заметно, но раз Мэй сам предложил, он не стал церемониться:

— Говорят, она настояла на карьере актрисы, а твой дед считал это занятие... недостойным их круга? К тому же ему не нравился её избранник. Кажется, он режиссер, причем довольно титулованный?

— Всё верно. У деда были консервативные взгляды, а тетушка — женщина с характером. На этой почве они и рассорились в пух и прах.

Гу Цин кивнул. Теперь, когда он понимал, что у племянника с тетей доверительные отношения, он примерно представлял, как вести себя при встрече.

Разговор плавно перешел в ужин. Гу Цин, перебивший аппетит тортом, съел немного. Он услышал, как Мэй Цзибай негромко наставляет экономку Лю Синь, чтобы впредь порции были поменьше. Это показалось ему... довольно трогательным. Должно быть, Мэй заметил, что его супруг терпеть не может выбрасывать еду.

На самом деле заваленный блюдами стол был излишеством для двоих, и Гу Цину было искренне жаль продуктов, которые отправлялись в мусор. Но, будучи здесь новичком, он не решался давать указания личной прислуге семьи Мэй. Вмешательство Цзибая было как нельзя кстати.

Они один за другим поднялись на второй этаж, где у каждого был свой рабочий кабинет. Перед тем как Мэй Цзибай скрылся за дверью, Гу Цин окликнул его, хотел что-то сказать, но слова застряли в горле.

Мэй Цзибай ответил ему мягкой улыбкой:

— Завтра в обед я заеду за тобой. Отдыхай.

Гу Цин кивнул и смотрел на закрытую дверь, пока не пришел в себя. Он глубоко вздохнул и

закрыв лицо руками. «Что со мной происходит? Почему мне так трудно с ним разговаривать?!»

Эта необъяснимая неловкость преследовала его до самого полудня следующего дня. Когда водитель Сюэ Минтао открыл перед ним дверцу автомобиля, Гу Цин поправил манжеты и, бросив взгляд на уже сидевшего в салоне Мэй Цзибая, коротко поблагодарил водителя. В машину он сел с каким-то странным стеснением.

Когда автомобиль тронулся, Мэй Цзибай нарушил молчание:

— Минтао работает со мной уже семь лет, я ничего от него не скрываю. Так что при нем можешь говорить свободно. Если тебе что-то понадобится, можешь обращаться напрямую к нему.

Гу Цин перехватил взгляд водителя в зеркале заднего вида и заставил себя усмехнуться:

— Буду знать, спасибо.

Заметив скованность партнера, Мэй Цзибай понизил голос:

— В конце концов, мы ведь спим в одной постели. Не нужно церемониться со мной. Говори что думаешь и делай что хочешь.

«Ну надо же», — подумал Гу Цин и одарил мужа колючим взглядом.

— Это ты меня так утешаешь... или предлагаешь вести себя еще наглее?

— А разве тебя нужно утешать?

Гу Цин скрестил руки на груди и замолчал. Ну и лис. Мэй Цзибай был мастером дипломатии, внимательным и тактичным даже по отношению к нему — человеку, с которым его связывал лишь холодный расчет.

Взяв эмоции под контроль, Гу Цин ответил:

— Утешать меня не надо, я в полном порядке. Это всего лишь обед с твоими родственниками, с чего мне нервничать?

Накануне он навел справки: Мэй Сяотун и её муж имели отличную репутацию в индустрии и не слыли тяжелыми людьми. Оставалось лишь надеяться, что они не станут судить о нем по тем сплетням, которыми оброс «молодой господин Гу».

К ресторану они подъехали почти одновременно со второй стороной. Когда все устроились за столом, Мэй Сяотун протянула подарок.

— Мы давно не виделись, — начала она. — На свадьбу я приехать не смогла, так что прими этот скромный подарок. Поздравляю.

Мэй Цзибай с позволения тети открыл изящную шкатулку из сандала. Внутри лежала перьевая ручка ручной работы.

— Надо же, — улыбнулся он. — Этот мастер не брал заказы последние три года.

Мэй Сяотун ласково коснулась руки мужа:

— Скажи спасибо Хуайнину. Внучка мастера — его фанатка. Пятиминутный ролик с автографом в обмен на ручку — по-моему, отличная сделка.

Фан Хуайнин со смехом добавил:

— Обо мне-то ты вспомнила, а о том, что девчонка фанатеет от тебя с твоего первого фильма и мечтает найти себе жену точь-в-точь как ты, умолчала?

Мэй Сяотун шутливо пригрозила мужу:

— Ревнуешь? Я ведь обещала освободить график под твой проект, так что уймись.

Гу Цин не выдержал и прыснул, но встретившись взглядом с тетей Мэй, тут же осекся.

— Тетя...

— Зови меня сестрой!

Гу Цин вопросительно посмотрел на Мэй Цзибая и, получив одобряющий кивок, исправился:

— Я хотел сказать... у вас с мужем потрясающие отношения, сестра.

Мэй Сяотун была поздним ребенком, и разница в возрасте с племянником составляла всего десять лет. Вне официальных приемов называть её сестрой было вполне естественно. Женщина довольно кивнула.

— Это точно. А теперь посмотри свой подарок. Не знала, что тебе по вкусу, выбирала на свой

глаз. Признаться, до нашей встречи я была настроена скептически — репутация у молодого господина Гу та еще... Но, кажется, слухам нельзя верить на слово.

Гу Цин заглянул в коробку: там лежали часы, стоимость которых явно исчислялась астрономическими суммами. К предметам роскоши он был равнодушен, но в свое время, чтобы не выдать себя в высшем свете, он основательно изучил рынок брендов. Эти часы были редчайшим лимитированным экземпляром. Было очевидно: несмотря на предвзятость, Мэй Сяотун выбрала подарок с огромным уважением к статусу племянника.

Он вежливо улыбнулся:

— Спасибо за заботу, сестра, мне очень нравится. Я знаю, что раньше вел себя глупо и приносил много хлопот. Я осознал свои ошибки и обещаю измениться.

Мэй Цзибай вставил свои пять копеек:

— Он уже меняется. В последнее время ведет себя очень послушно.

Если бы не свидетели, Гу Цин бы обязательно съязвил. «Послушно»? Это он-то послушный?!

Мэй Сяотун не пропустила их переглядывания. Она внимательно наблюдала за парой, и в её голове начала складываться определенная картина.

В середине обеда в зал заглянул Сюэ Минтао и сообщил, что в компании возникли срочные дела. Мэй Цзибай был вынужден уехать. Гу Цин остался сидеть, сохраняя внешнее спокойствие, но внутри всё напряглось. Мэй Сяотун казалась открытой и дружелюбной, но это было лишь пока Мэй Цзибай сидел рядом. Теперь же он остался один на один с женщиной, которая души не чает в своем племяннике и вряд ли станет церемониться с его сомнительным супругом.

И действительно, как только дверь за Цзибаем закрылась, улыбка на лице Сяотун медленно погасла. Она прищурилась, глядя на свой бокал с вином, и спустя долгую паузу произнесла:

— Гу Цин, этот брак — результат сделки ваших отцов. Я была удивлена, что Цзибай согласился, хотя причины мне ясны. Но до нашей встречи я искренне считала, что ты его не достоин. Распутный повеса и человек с характером Цзибая... вы казались мне абсолютно несовместимыми. Ни по духу, ни по ценностям.

Гу Цину нечего было возразить.

— Раньше я и впрямь вел себя... по-детски.

Мэй Сяотун покачала головой.

— Прошлое меня не волнует, важен только завтрашний день. Сегодня, глядя на вас двоих, я вдруг поняла: вы на удивление подходите друг другу. И дело не во внешности, а в чем-то более глубоко — в вашей энергетике, во взглядах.

Гу Цин искренне растерялся. С чего она это взяла? Он никогда не считал себя парой Мэй Цзибаю.

Заметив его недоумение, Сяотун смягчилась:

— Ваша свадьба была лишь сделкой, но это не значит, что между вами не может возникнуть настоящих чувств.

Всего за один обед Гу Цин понял, насколько они близки, и решил, что лучше сразу расставить точки над «i», чтобы избежать ненужных своднических попыток.

— Честно говоря, я не планирую никаких «чувств», — прямо заявил он.

Мэй Сяотун удивленно вскинула брови. Она обменялась красноречивым взглядом с мужем.

— Ты ведь столько лет восхищался им издавна. И теперь утверждаешь, что не хочешь ничего, кроме формального брака? Не верю.

— Это было восхищение, но не... любовь. Нас связывает только деловое соглашение.

Мэй Сяотун долго смотрела на него, а затем вдруг рассмеялась. В этом смехе слышалось облегчение, но и какая-то скрытая тайна.

— Цзибай когда-нибудь упоминал, что у него есть человек, которого он любит?

— Упоминал, — ответил Гу Цин. Он знал, что речь о Юй Цзиньняне, но не верил в искренность этого признания.

— А хочешь знать, что на самом деле связывало Цзибая с тем человеком? Хочешь понять, почему он стал таким, каким ты видишь его сейчас?

Гу Цин нахмурился. Что значит «стал таким»? С того момента, как он погиб и очнулся через два года, прошло много времени. Мэй Цзибай действительно казался холоднее, чем в его воспоминаниях, но он не придавал этому значения. Слова тети задели его.

Он понимал, что сейчас самое время вежливо откланяться и уйти. Нужно держаться от Мэя подальше, ведь развод неизбежен. Лишние знания только всё усложнят. Но какая-то неведомая сила удерживала его на месте.

— Хочу, — услышал он собственный голос.

<http://bllate.org/book/17544/1709554>